

*Морозова М.В.,
студент 2 курса магистратуры
школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ*

Литература в качестве категории философской герменевтики

В философских работах Х.-Г. Гадамера термин "литература" порою варьируется в смысловом плане; Но, главным образом, его употребление сводится к следующим двум интерпретативным стратегиям.

Отправной точкой обеих векторов понятийного развития "литературы" можно считать небольшой раздел "Истины и метода" в рамках размышлений об онтологии искусства "Границы литературы". Стоит отметить, во-первых, что в качестве литературы вообще здесь означивается вся сфера письменного предания, а не только художественно оформленная. Во-вторых, здесь вводится пока что в буквальном плане (применительно к письменным источникам) такая категориальная фигура как чтение, которая в дальнейшем явится центральной при обосновании герменевтической онтологии по причине легитимации понятия текста применимо ко всякому материалу, подлежащему истолкованию.

Так, широкая трактовка литературы основана на том, что, как уже было выше замечено, модель понимания текста универсализируется, а потому - понятие чтения расширяется метафорически до восприятия чего бы то ни было. То есть, чтобы не только выявить исконно языковой характер опыта мира, но и продемонстрировать приложимость герменевтической способности интерпретации ко всему миру, то есть составляющим его фактичность феноменам, необходимо легитимировать "взгляд на мир сквозь призму текста". Так, под литературой в широком смысле слова понимается особая форма длящегося бытия, способная запечатлеть традицию, одновременно предлагая её к современной интерпретации. Это также позволяет трактовать литературу как механизм культурной памяти.

Литературу в узком смысле Гадамер определяет как осуществление поэтической интенции языка. Поэзия позволяет вслушаться в язык как таковой, в ней он представляется в полноте своих возможностей. Одним из интересных направлений исследований философской герменевтики, затрагивающих собственно проблему самоопределения последней, является сближение философского и поэтического случаев языка. В понимании не раз подчёркиваемой Гадамером "загадочной близости" поэзии с философией важно учитывать особую слитность смысла с вербальностью, (когда высказывание суть не просто указание на что-либо подобно научному термину (знаку) с фиксированным значением, но обладает ценностью само по себе, суть то, чем само по себе представляется); то, что равно

философский и поэтический способы речи не могут оцениваться в качестве ложных или истинных, исходя из позиции наблюдателя при помощи посторонних критериев оценки; что задачей как поэзии, так и философии является обрести причастность к субъекту, вовлечь его в свою аутентичную сферу, трансформировать его опыт и т.д. Главным своеобразием философствования (в отличие от поэзии) является развитие диалектической по Гадамеру тенденции языка, заключающейся в постоянном наращивании в своей целостной сфере опыта разнообразия смыслов. Так, философствование - это принципиально незавершенный процесс, всегда открытый для дальнейшего развития. Но этот принцип не дублирует принцип бесконечности интерпретаций произведения искусства. Потому что каждое произведение искусства в любой своей актуальной интерпретации представляет самодостаточную и законченную целостность. Философию же как целостный рефлексивный опыт можно уподобить непрекращающейся беседе.

Условно названные нами широкая и узкая трактовка связуются, если вспомнить о них в контексте общей эстетической ориентировки философской герменевтики. Ведь описанные нами в рамках широкой трактовки литературы особенности герменевтической онтологии основываются именно на заимствовании эстетического характера события интерпретации. Здесь можно говорить об использовании характера "литературности" за пределами литературы. Одновременно понятие литературы расширяется до внехудожественного, но в то же время - сама действительность наделяется своеобразным эстетическим характером. Важным здесь является рассмотрение "текстового" характера повседневных реалий по крайней мере в смысле обращения к прошлому, (а любой мысленный конструкт уже предполагает застывший характер;) Т.е. метафорически литературность является базовым принципом культурного функционирования в том смысле, что представляет собой механизм аккумуляции и использования различных смысловых конструкций, организующих (и организованных как) языковые игры. То, что интерпретация как стратегия человеческого понимающего существования наделяется статусом игрового события и это, согласно Гадамеру, суть показательно эстетический принцип, позволяет, собственно, говорить о литературе в качестве категории человеческого существования, которое прежде носит эстетический характер, нежели рефлексивный. (Разумеется, не все феномены носят буквально эстетический характер, т.е. являются произведениями искусства. Однако же, сам способ существования человека среди феноменов эстетизирован).